Библиографический список

1. *Гришин Н.В.* Электоральные расколы на юге России: к вопросу об их наличии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 2. С. 37–41.

2. *Данилов М.В.* Исследование российской многопартийности: традиции и инновации. Саратов, 2006.

3. Что такое справедливое общество: опрос населения. URL: http//bd.fom.ru/report/cat/socium/val_/d074523

4. *Фомин О.Н., Наумов С.Ю.* Идеология в социуме современной России: политический аспект. Саратов, 2009.

5. *Корнев О.М.* О роли и месте региональных отделении политических партий в общественных палатах субъекта Федерации // Вестн. ТГУ. 2005. Вып. 2 (38). С. 101.

6. *Лапина Н.Ю.* Трансформация советской политической элиты // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2005. № 1. С. 112–130.

G.S. Sachkova
Ministerial Activities of A.S. Norov in the Context of Education System Development in Russia

The activities of the Minister of Public Education A.S. Norov are analyzed regarding the trends of education development in Russia during the XVIII-XIX centuries.

Key words and word-combinations: education in Russia, the Ministry of Public Education, A.S. Norov.

Анализируется деятельность министра народного образования А.С. Норова с учетом тенденций развития образования в России на протяжении XVIII–XIX столетий.

Ключевые слова и словосочетания: образование в России, Министерство народного просвещения, А.С. Норов.

УДК 94(47)«17/1917»
ББК 63.3(2)5

Г.С. Сачкова

МИНИСТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.С. НОРОВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Образование является той сферой деятельности, которая определяет «рисунок» будущих общественных отношений. Оно несет культурную традицию: это может быть развитием национального культурного мейнстрима, может быть заимствованием чужой цивилизационной парадигмы – как ценностной, так и поведенческой. Образование в широком смысле этого слова – как механизм культурной преемственности – чрезвычайно значимо на всех этапах человеческой истории. При этом в период модернизации оно неизбежно обретает западнический, подражательный оттенок в России и любом ином незападном обществе. В силу данных

обстоятельств особое значение приобретает исторический опыт в сфере управления образованием. Освободительные реформы Александра II в России принесли много нового в этой области. Менялись и министры народного просвещения. Смена царствования пришлась на время управления министерством Авраамом Сергеевичем Норовым (1853–1858).

Современники оставили об А.С. Норове немало воспоминаний. В них сквозит мысль о том, что этот хороший человек был не на своем месте: добрый, нерешительный, не способный отстоять собственного мнения, «старый младенец», по выражению Я.И. Ростовцева. Между тем он был личностью с широким кругозором, опытом научных занятий и длительной военной службы за плечами. Чтобы оценить его министерскую деятельность, необходимо принять во внимание целый ряд факторов, действовавших в течение длительного времени, а также ситуативных обстоятельств.

Качественные перемены в русском обществе к концу XVII в. создали ситуацию напряженного ожидания. Новации же реализуются через систему образования, воспитания, механизм преемственности и заимствования. Полна драматизма история борьбы эллинистической и латинствующей партий при патриархе Иоакиме (1674–1690). Обе партии стремились основать научно-издательский центр, высшее учебное заведение. Фактически шла речь о создании системы церковно-государственного образования и контроле над ним. Борьба русской партии с латинствующими обернулась неожиданным итогом. Победив их и изгнав обосновавшихся было в Москве иезуитов, русская партия столкнулась с сильной протестантской партией, на которую сделал ставку Петр Первый [1].

Мощнейшая культурная интервенция, допущенная и инициированная Петром Первым, сформировала в России европеизированную элиту, представители которой на протяжении восемнадцатого столетия успешно эмансипировались от государственных обязанностей, став собственниками огромной части населения и государственного богатства. Такое положение вещей требовало и духовного оправдания. Этика служения и тягла сменилась этикой свободы, «вольности» в разных интерпретациях и оттенках. Формирование нового мировоззрения обеспечивала система образования. Консервативно настроенные авторы, начиная с Достоевского и Тихомирова, нарисовали картину агрессивного отчуждения образованных людей от своих национальных корней, прежде всего языка и истории [2, с. 255–306; 3].

Усилиями Петра Первого и Екатерины Второй в России была сформирована сеть профессиональных и общеобразовательных учебных заведений. Елизаветинское царствование ознаменовалось открытием первого университета. Допетровская образованность, «книжность» шла иными путями – через наставничество, ремесленное ученичество, монастырскую выучку. Не оценивая и не идеализируя эту систему, отметим, что в XVIII в. возникла новая система государственного обучения. При этом духовная школа прочнее стояла на ногах, чем создаваемая правительством светская. Последняя зачастую не находила себе учеников, обучение воспринималось населением как повинность [4, с. 252, 320–322]. На фоне этих процессов усилиями Петра был нанесен сильный удар традиционным формам русского земского самоуправления [5]. Национальная

и заемно-западническая парадигмы развития все более расходились. В.О. Ключевский сделал такое наблюдение: «Образование дает русскому человеку только вкусовую энергию – способность смаковать жизнь, а не создавать ее» [6, с. 383].

В данном контексте и следует, как нам представляется, оценивать роль и место людей, которым приходилось руководить ведомством народного просвещения.

Революция 1848 г. в Западной Европе отразилась на интеллектуальной жизни и образовательной деятельности в России. Антиреволюционные меры Николая Первого чем-то напоминали мероприятия его отца, императора Павла, полустолетием ранее, и реакция образованного общества была похожей. Павел заслужил репутацию безумца и тирана; «бутурлинский» комитет при Николае Павловиче вызывал возмущение и насмешки попытками «исправить» акафист Пресвятой Богородице и иными сходными цензурными изысками. Некоторые действия высших сановников отмечены гротескной перестраховочностью. Широко разошлось, в частности, высказывание предшественника А.С. Норова на министерском посту князя П.А. Ширинского-Шихматова: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен», причем с немедленными организационными последствиями. Однако за частными нелепостями и перехлестами нельзя не увидеть здравого желания отгородиться от опасной, заболевшей Европы, прежде всего в области образования и культурных влияний. В то же время очевидная необходимость связей, научных и культурных, с Европой не могла всерьез ставиться под сомнение. В России шел промышленный переворот; развитие техники и инфраструктуры было невозможным без интенсивного культурного обмена с Западом, без наращивания образовательных мощностей. Промышленный переворот и последовавшие за ним социальные потрясения в Европе сформировали новую культурную среду. Менялась коммуникационная ситуация, рождался массовый читатель, развивались радикальные учения. Знаменитый спор западников и славянофилов ознаменовал собой приход данной проблематики в Россию.

Николай Первый создал целую сеть учебных заведений – как военных, так и гражданских. Это делалось «на вырост», производство образованных кадров превышало потребности хозяйства. Появился слой интеллектуалов, интеллигенции, профессионалов без собственности. Прошедшие стажировку в Европе молодые профессора 1830-х годов обозначили новый уровень преподавания и понимания университетской жизни в целом. Разразился конфликт поколений, на фоне которого начал формироваться многоплановый спор западников и славянофилов [4, с. 290, 300]. Правительство достаточно нервно реагировало на «политиканствующих», как ему казалось, интеллектуалов из обоих лагерей. Меры «бутурлинского» комитета, как и предшествовавшие тому начинания С.С. Уварова, ясно показали, что светская образовательная система развивается по своим законам и не может быть быстро и безболезненно вписана в уваровскую триаду. Так, стремление кн. Ширинского-Шихматова «согласовать преподавание с истинами Откровения» выглядело для преподающих и многих обучающихся как обскурантская попытка перекрыть пути научного познания, как система варварских и едва ли не анекдотических запретов. Административные попытки быстро подчинить развивавшуюся науку началам веры, понимаемым

как церковная ортодоксия, вызвали закономерный протест. Преодолеть столь элементарными средствами культурный и методологический разрыв, зревший почти полторы сотни лет, оказалось невозможным.

Таким образом, есть общий контекст полутора столетий европейской образованности в России, и есть политический тренд конца 1840-х – начала 1850-х годов, весьма болезненный для образованных современников, когда А.С. Норову досталось выступить на первых ролях в Министерстве народного просвещения.

В условиях общей возрастающей требовательности и строгости в 1850 г. А.С. Норов становится товарищем министра, а в 1853 г. – министром. Вскоре начавшаяся Восточная война де-факто заставила ослабить административно-цензурный нажим. Таким образом, на его министерство пали чрезвычайные меры, нарушившие работу ведомства; тяжелая война; смена царствования; времена начала гласности и широчайшего обсуждения грядущих перемен во всех сферах жизни; зарождение молодежной радикализации. А.С. Норов, вслед за П.А. Ширинским-Шихматовым, не вступал в конфликты с цензурным Комитетом 2 апреля и в этом смысле избрал конформистскую линию поведения, которую разделял его многолетний соратник, цензор и филолог А.В. Никитенко.

Министр выступал сторонником классицизма в образовании, умел замечать и поддерживать талантливых людей, в том числе с не совпадавшими с его взглядами, например Т. Грановского. Как представляется, привычные в мемуаристике характеристики А.С. Норова – «безволие», «нерешительность», «рассеянность» – не следует возводить в абсолют. Он искал заступничества у А.Х. Бенкендорфа по щекотливому делу о привлечении его родного брата Александра, выступившего переводчиком «Философического письма» П.Я. Чаадаева. Старший брат Василий был не только декабристом, но и человеком, испытывавшим на себе, по-видимому, личную неприязнь Николая Первого. Однако А.С. Норов помог брату анонимно издать его записки о войнах 1812–1813 гг. [7, с. 361, 363]. По линии матери Авраам Сергеевич был связан со славянофильской семьей Кошелевых, которая также оказывалась в поле недоброжелательного внимания власти. Эти факты показывают его как человека последовательного и умевшего быть мужественным.

Характерно поведение Норова при смене царствования. Настало время неопределенности, бюрократических рисков. Общие напряженные ожидания таили в себе весьма разные потенции. Сам Александр Второй не имел репутации либерального государя и тем более освободителя; в своих «памятных книжках» Николай оказывается гораздо более последовательным преобразователем, чем его сын-наследник. На это рано обратил внимание читающей аудитории Н.Я. Эйдельман [8, с. 113–115]. Таким образом, в неопределенной еще обстановке поразному настроенные сановники выстраивали свои линии поведения. А.С. Норов же выступил с внятной и логичной программой преобразований в своем ведомстве. План их был изложен в его докладе на высочайшее имя 5 марта 1856 г. Он предлагал придерживаться классицизма в среднем образовании, расширить женское образование, уделить внимание и средства подготовке молодых научных кадров, сосредоточить управление всеми учебными заведениями в одном органе. В связи с этим восстанавливался ученый комитет при главном правлении учи-

лищ. В области воспитания министр предлагал настойчивость и постепенность, не административно-полицейское, но нравственное воздействие на учащихся с опорой на православие как основу нравственности [9, с. 12–13]. В этих соображениях нельзя не увидеть здравого и содержательного подхода, что не идет ни в какое сравнение с охранительством Комитета 2 апреля.

Разрешение издавать «Русский вестник», а затем славянофильский журнал «Русская беседа» знаменовали собой время активного формирования органов периодической печати. Министерство не стало сдерживать этот процесс. В 1856–1857 гг. оно разрешило выпуск 55 новых газет и журналов, две трети из которых были общественно-политическими, политико-экономическими и библиографическими. В 1858 г. А.С. Норов представил императору новую записку. В ней он писал о роли «литературы» (то есть печати) в обществе, о необходимости предоставить ей известную свободу в интересах как общества, так и самого правительства. Министр заявлял, что при «тех цензурных требованиях, которые еще в настоящее время существуют, невозможно изучение ни всеобщей истории, ни законодательства, ни статистики», поэтому необходимо «обозначить ту долю благоразумной и законной свободы, которую правительство полагает возможным предоставить науке и литературе». Император еще не был готов к такому отношению – записку положили под сукно.

В 1856 г. министр возродил давнюю идею об учреждении университета в Сибири и получил одобрение императора. При этом он обратился с соответствующей запиской, советуясь, к генерал-губернаторам и архиепископу Камчатскому, от которого получил полное поддержки и интересных предложений ответное послание. Нам не кажется безусловно верным стремление А. Решетова приписать неудачу данного проекта «личным качествам министра», вопрос требует отдельного рассмотрения [10].

Весной 1858 г. А.С. Норов был отправлен в отставку с сохранением других должностей. Историк С.С. Татищев весьма бережно подошел к репутации А.С. Норова, описывая обстоятельства его отставки: новые задачи оказались «не по силам маститого ветерана 1812 года Норова. Ценя и уважая его как человека благороднейшего образа мыслей, государь не считал возможным оставить его долее на занимаемом ответственном посту…» [11, с. 238]. Министром был назначен Е.П. Ковалевский. По интерпретации М. Лемке, толчком к отставке Норова послужили студенческие волнения, обратившие на себя внимание государя [12, с. 321].

Возможно, при неизбежной кадровой революции судьба А.С. Норова была предрешена, тем более что университетская жизнь действительно стала выходить из берегов. Смогли ли преемники А.С. Норова добиться успеха там, где он как будто спасовал? Е.П. Ковалевский недолго задержался на министерском посту. Радикализация вузовской молодежи нарастала. Сменивший его весной 1861 г. граф Путятин неудачно применил строгие меры, чем только усугубил ситуацию. При этом «передового образа мыслей» придерживалась и ведущая профессура, так что студенты чувствовали поддержку. В результате осенью 1861 г. для подавления вспыхнувших беспорядков потребовались военные силы. Государь понял необходимость нового курса в соответствии с которым, потребовался новый ми-

нистр, им стал А.В. Головнин [11, с. 242, 244]. Однако университетский устав 1863 г. не остановил развития радикализма; впереди были революционное «шестидесятничество» и «семидесятничество».

Таким образом, ретроспективный анализ показывает, что сменившие «слабого» министра его преемники не оказались успешнее в административном отношении. А.С. Норов в непростых обстоятельствах профессионально и психологически проявил качество руководителя с широким кругозором и здравым пониманием задач образования, прежде всего высшей школы. Его пребывание на министерском посту отмечено выступлением с интересными инициативами, готовностью рассматривать новые образовательные проекты, умением высказывать свою точку зрения, хотя отстаивать ее получалось не всегда. Однако А.С. Норов и в этом вряд ли принципиально уступал кому-либо из своих предшественников и последователей.

Можно предположить, что присущая А.С. Норову мягкость делала для него более комфортной атмосферу, господствовавшую до конца 1840-х годов. Для него было характерно нежелание бросаться в крайности, понимание специфики образовательной сферы и исследовательского труда. При очевидном конформизме он не двигался сугубо запретительными путями. А.С. Норов был человеком академической среды и чувствовал то главное, что существует в образовании при любых политических поворотах: значимость культурной преемственности, возможность творческой самореализации, воспитание в вере без попыток сталкивать веру и науку.

Библиографический список

1. *Прот. Лев Лебедев*. Десять московских патриархов. М., 1995. Очерк 9. Патриарх Иоаким.

2. *Острецов В.М.* Масонство, культура и русская история: историко-критические очерки. М., 1998.

3. *Иванов В.Ф.* Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. 3-е изд. М., 1999.

4. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М., 1994. Т. 2, ч. 2.

5. *Махнач В.Л.* Диагноз // Москва. 1996. № 1.

6. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. М., 1990. Т. IX. Материалы разных лет.

7. Русские писатели 1800–1917: биогр. словарь. Т. 4. М., 1999.

8. *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989.

9. *Смирнов В.З.* Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М., 1954.

10. Письмо святителя Иннокентия (Вениаминова) министру народного просвещения Российской империи А.С. Норову / публ. А. Решетова // Журнал Московской патриархии. 1999. № 9.

11. *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2.

12. *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.